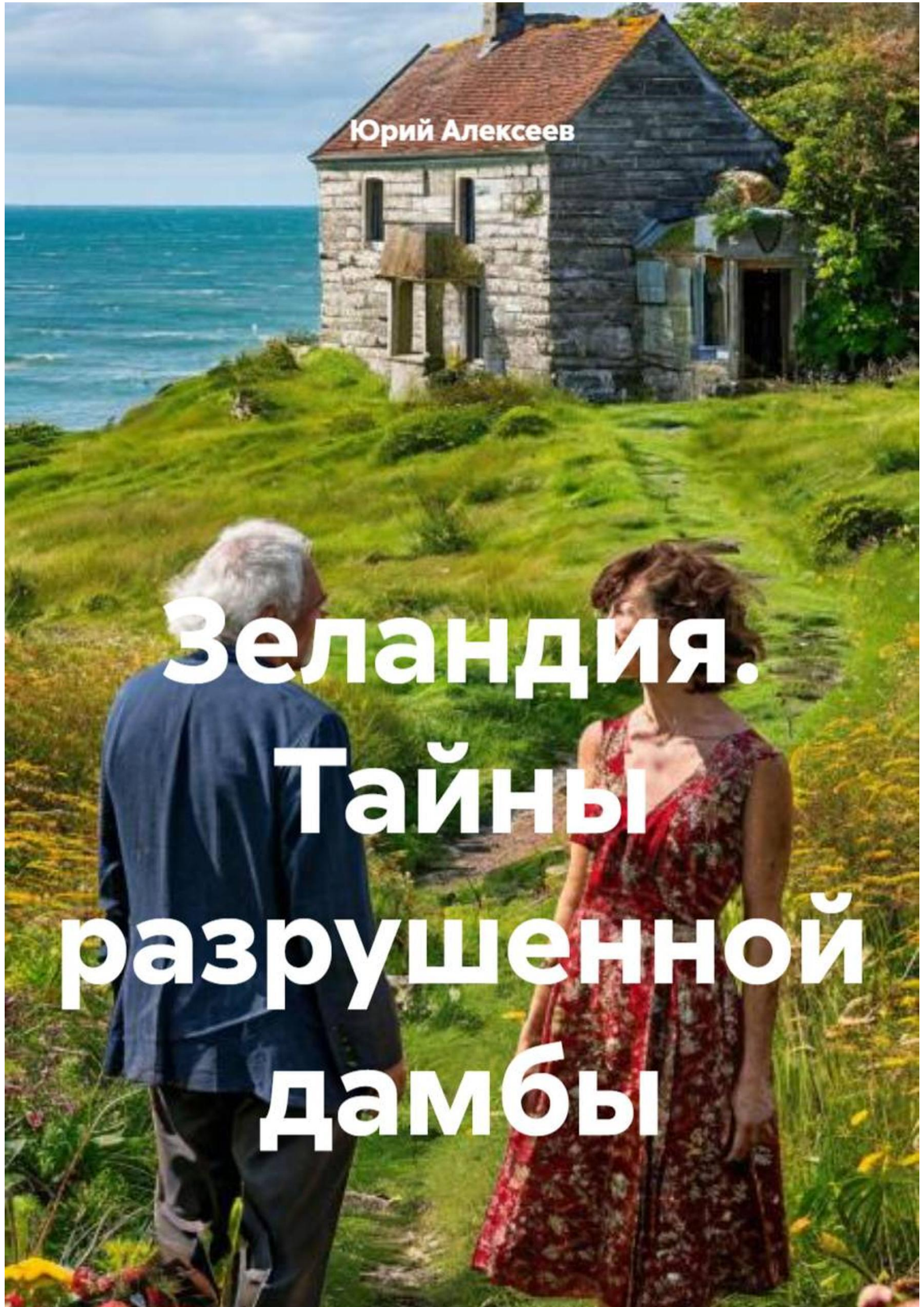

A scenic view of a stone house on a grassy cliff overlooking the ocean. In the foreground, an elderly couple is walking away from the camera. The man is wearing a blue jacket and the woman is wearing a red floral dress. The house is a two-story stone building with a red roof, situated on a grassy hill. The ocean is visible in the background under a blue sky with some clouds.

Юрий Алексеев

Зеландия. Тайны разрушенной дамбы

Юрий Алексеев

**Зеландия. Тайны
разрушенной дамбы**

«Автор»

2026

Алексеев Ю. А.

Зеландия. Тайны разрушенной дамбы / Ю. А. Алексеев —
«Автор», 2026

Модный дизайнер Тара возвращается на лето в родовое поместье в Зеландии, надеясь на покой и перезагрузку. Здесь она вновь встречает Оливье — друга детства и успешного архитектора. Но уже на следующий день безмятежность рушится: в дюнах находят тело деда Оливье. Когда вскоре исчезает ещё один пожилой мужчина, идиллический прибрежный городок охватывает страх. Под подозрением оказываются соседи, друзья и даже самые близкие. Не доверяя официальному расследованию, Тара и Оливье начинают собственный поиск истины. Он приводит их далеко за пределы Нидерландов — в тёмные кварталы Дубая, где скрывается тайна, уходящая корнями в катастрофическое наводнение 1953 года. Тайна, ради которой готовы убивать. На фоне напряжённого сюжета роман раскрывается как атмосферное путешествие по Зеландии — с её суровыми дюнами, морским светом, маленькими городами и негромкой, но глубокой голландской культурой, в которой прошлое и настоящее неразрывно переплетены.

© Алексеев Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Юрий Алексеев

Зеландия. Тайны разрушенной дамбы

Человек шёл по улице Яна Тооропа. Он хотел объяснить, что сам художник никогда не жил на этой улице, а имел мастерскую за углом на рыночной площади. Он хотел рассказать, что в начале двадцатого века Тоороп был восхищён тихой, повседневной жизнью деревни – стройными, крепкими женщинами, которые легко опорожняли тяжелые бочки или несли яйца в корзинке на руке. Восхищён спокойной позой зеландской крестьянки с ожерельем из кроваво-красного коралла и кружевным чепцом. И он хотел добавить, что в Домбурге Тоороп был прежде всего очарован зеландским пейзажем с его ясным хрустальным сиянием, что ложилось на дюны и на серые крыши домов, словно небесное дыхание и заливало светом все вокруг.

Но человек шёл один и не мог никому этого рассказать. Он остановился, наклонился и отстегнул поводок Пита. Его ирландского сеттера, который, по-видимому, был чуть умнее его самого. Мужчина пытался его дрессировать, но Пит всегда сохранял независимый характер и поступал так, как сам хотел. Что, впрочем, мужчина вполне ценил. Слепое следование за кем-то обычно приводит лишь к беде.

Пит выскочил с улицы и стрелой понёсся к дюнам. В разгар дня это, разумеется, было бы проблемой – особенно в июле, когда курорт кишел немецкими туристами, медленно ползущими в своих огромных автомобилях по узким улочкам, тщетно выискивая место для парковки. Но сейчас, в половине шестого утра, деревня ещё дремала, и Пит мог бежать, куда вздумается, – свободный, как ветер, что едва шевелил сухую траву у края дороги.

Солнце только что показалось над горизонтом, но мужчина уже ощущал его тёплое дыхание на спине. День обещал быть знойным – четвёртым подряд; ещё один, и в Зеландии официально объявят первую жару этого лета. Он подумал об этом с ленивой покорностью, с той тихой обречённостью, что свойственна людям, давно примирившимся с неизбежным ритмом природы – приливов, отливов и человеческой усталости.

У подножия лестницы, ведущей к бульвару, Пит ждал его, слегка склонив голову. Будто изучал хозяина и спрашивал себя, почему тот идёт так медленно и всё ли с ним в порядке.

– Ну давай, беги, мальчик, – подтолкнул его мужчина и направил Пита вверх по лестнице. – Ищи кроликов.

Тридцать ступеней. Ему не нужно было их считать – ноги знали их наизусть, как пианист знает клавиши своего рояля. Почти семь десятилетий он проходил этот путь в дюны. Конечно, он мог бы свернуть на Северную улицу или пройти чуть дальше, по более оживлённой Бадштраат. Но там, у Курортного павильона, всегда можно было нарваться на знакомого – даже в такую рань. А встреча с кем-нибудь означала неизбежную светскую пытку: вежливые вопросы, притворные улыбки, дежурные фразы о погоде и здоровье.

А он не хотел говорить. Ему не хотелось никому объяснять, почему взгляд его стал мутным, а походка – осторожной, как у человека, идущего по льду. Если бы его спросили, как дела, он, конечно, ответил бы, что жаловаться не на что. Так, вежливо, как полагается. Но это была бы ложь. Его жизнь давно уже превратилась в одно бесконечное, серое, вялое крушение – катастрофу без взрыва, без грома, без финала, растянувшуюся на годы.

Для внешнего мира он был воплощением порядка. Международно успешный бизнесмен, уважаемый член советов директоров множества компаний, хозяин семейного дома в Кралингене и обладатель трёх разных автомобилей. Разумеется, все – электрические: ведь если ты генеральный директор, ты обязан подавать пример. Но за этим безупречным фасадом царил

хаос. Почти во всём – за исключением одного крошечного лучика света, о котором, впрочем, он не мог говорить ни с кем.

Наверху, на бульваре, он ощутил, как мягкий ветер скользит по его щекам. Восточный ветер приносил с собой землистые ароматы лугов у Аагтеркерке, и в прозрачном воздухе он мог различить даже церковную башню далёкой деревни. Пит бродил вдоль края дорожки, его нос был устремлён к земле, вынюхивая, какие звери прошли здесь этим утром. Между булыжниками робко пробивались лютики, а в дюнах, в лёгком дыхании ветра, шевелилась ярко-зелёная песколюбка – точно так же, как её когда-то, больше века назад, запечатлел на холсте Ян Тоороп.

Ряд дюн был узок – слева деревня, справа бесконечный пляж, теперь ослепительно белый от яркого восходящего солнца. Был отлив, и серебристая полоса прибоя лежала, казалось, в пятидесяти метрах от берега.

Отец когда-то рассказывал ему, как одиннадцатилетним мальчишкой он лежал здесь, среди дюн, в ноябре сорок четвёртого, выжидая, чтобы разведать для союзников, сколько немцев ещё засело в Водонапорной башне. Это было во время битвы за Шельду. Когда британцы внезапно начали обстреливать деревню с моря, его отец, спасаясь от огня, бросился бежать прочь. Ему оставалось только нырнуть в ледяную воду, которую, к счастью, прилив подогнал совсем близко. Позже деревенские жители вытащили его из прибоя – обессиленного, полузамёрзшего, без сознания.

Отец рассказал ему эту историю как урок – житейскую заповедь: не быть порывистым, не действовать бездумно, ибо в безрассудстве всегда таится опасность – и для себя, и для других. Но мальчиком он находил тот рассказ вовсе не предостережением, а подвигом. В нём было что-то дерзкое, мужественное, и он гордился отцом, словно тем, кто однажды бросил вызов судьбе. Больше расспросить его он уже не смог – отец умер от кровоизлияния в мозг ещё в шестьдесят первом. Мать же никогда не любила говорить о войне. Впрочем, и о прошлом вообще – тоже.

Пит поднял голову, проверяя, идёт ли за ним хозяин, – хвост его легко и весело вилял, словно в ожидании знака, куда отправятся они сегодня. Можно было бы спуститься на пляж, подумал мужчина. Так рано утром, даже летом, собакам там ещё было позволено бегать. Но он решил иначе – подняться на Хоге-Хил. Ему были нужны эти дальние, прозрачные горизонты двадцатиметровой дюны, чтобы привести в порядок свои мысли.

– Ну, вперёд, Пит! – позвал он, указывая на длинную лестницу. – Вверх, давай!

Собака сорвалась с места мгновенно – словно где-то наверху, на гребне, её вызывал на поединок нахальный заяц. Мужчина двинулся следом, медленно, с усталым дыханием, доставая из кармана телефон. Сообщение пришло поздно вечером – от неизвестного отправителя. Он пытался перезвонить, но в трубке ответом была безразличная тишина.

Потом он сразу же отправил ответ – короткое сообщение, почти машинально. Но и оно так и осталось непрочитанным.

Мужчина разблокировал телефон. Сообщение по-прежнему стояло наверху списка. Всего четыре имени – ни слова больше. Но ему и этого было достаточно, чтобы понять, что это может значить. Он на миг усомнился – не позвонить ли им? Спросить, получили ли они то же самое сообщение? Но понял: в этом не было бы смысла.

На вершине дюны он опустился на покосившуюся деревянную скамейку – серую от соли и времени. Телефон лежал на коленях, безмолвный, как карманный свидетель тревог, которых он сам толком не понимал.

Перед ним раскинулся пейзаж, знакомый до боли – лениво струящиеся холмы песка, иссечённые шрамами узких троп; старые виллы, утопающие в зелени, где слепые окна, казалось, вспоминали летние шумы давно умерших гостей; и бесконечная вереница деревянных будок, выстроившихся вдоль пляжа, – одинаковых, жалких, словно надгробья безымянным летним дням.

Этот вид, когда-то будораживший детское воображение, теперь навевал странное умиротворение – не радость, нет, а усталое смирение человека, слишком долго глядевшего в одно и то же море. Он ощутил, как внутри него медленно отступает суета, уступая место холодной ясности, будто ветер с Северного моря выметал из головы всё лишнее.

Две чайки, истошно вскрикнув, обрушились вниз, прямо в песчаную ложбину – с той безрассудной грацией, с какой иногда гибнут ангелы. Пит, насторожив уши, взглянул на них с тем снисходительным недоумением, которое свойственно лишь собакам и мудрецам, после чего, деловито развернувшись, метко окропил ржавый столбик ограды и с величавым равнодушием потрусил дальше, обнюхивая тропу.

Мужчина снова устался на экран. Сообщать в полицию не имело смысла – четыре имени выглядели случайно собранными, к тому же один из тех людей уже умер. Но он знал: лишь немногие понимали, насколько взрывоопасной могла быть эта комбинация.

– Иди-ка сюда, Пит, – позвал он пса.

Тот, вопреки ожиданию, сразу повернулся и запрыгнул рядом, на скамейку.

– Ну что, – тихо сказал мужчина, глядя на горизонт, – как нам с этим быть?

Пёс посмотрел на него вопросительно, и, не дождавшись ответа, спокойно опустил голову ему на колени. Игнорировать сообщение – вот что казалось самым заманчивым, подумал мужчина, машинально поглаживая мягкую, чуть тёплую шерсть. Молчать – в этом он достиг совершенства за десятилетия. Но теперь это было невозможно: кто-то хотел чего-то от них. Это было ясно. Только чего именно – оставалось полной загадкой.

Вдруг над дюнами, с сиплым клекотом, рухнула пара крупных ворон, распугав воздух своими тёмными крыльями. Пит вскочил, залаял, раздражённый нарушенным покоем.

– А ну-ка, возьми их! – улыбнулся мужчина. – Как они смеют? Столько шума – и всё на твоей территории?

Пёс тут же проскользнул под оградой, рванул по песку и исчез в ложбине. Мужчина сунул телефон обратно в карман. Он, конечно, понимал, что должен действовать: позвонить, предупредить, попытаться достучаться до тех, кто ещё мог что-то изменить. Это было бы разумно. Потушить пожар, пока тот не разгорелся. Предотвратить то, что могло разорвать деревню навсегда. Сохранить кровные узы, не дать им превратиться в пепел. И – защитить единственный огонёк света, что ещё теплился в его жизни.

Но...

Резкий, пронзительный лай разорвал тишину. Почти неузнаваемый – надтреснутый, тревожный.

– Пит? – крикнул мужчина, вскакивая. – Пит, ко мне!

Пёс не появился из ложбины – наоборот, его лай стал чаще, в нём прозвучала паника, и даже какой-то жалобный всхлип.

– Что там, парень? – Мужчина перелез через ограду и, задыхаясь, попытался бежать по зыбкому песку. Песок под ногами сразу предательски осел, скользнул, словно живой – зыбкий, хрупкий, дышащий. Каждый шаг давался с усилием: ступня вязла по щиколотку, а когда он выдергивал её, казалось, будто земля неохотно отпускает. Песчинки, острые, горячие, липли к вспотевшей коже, забивались в кеды.

– Нашёл что-то?

Перевалив через край дюны, он увидел: Пит стоял, низко пригнувшись, и яростно тянул зубами за что-то синее, наполовину зарытое в песок.

– Что это у тебя, а? – спросил мужчина, подходя ближе.

– Тише... спокойно...

Вдруг, за кустом, он заметил крошечную грудку одежды. Пит яростно тянул зубами за большой кусок ткани.

– Пит, брось, – сказал он.

Мужчина резко остановился. Там кто-то лежал. Лицом вниз.

Он сразу оттолкнул собаку.

– Прочь, Пит, уйди.

– Господин? – окликнул он, присев рядом с распростёртым телом. – С вами всё в порядке?

Это был старик – почти лысый, с кожей, словно высушенной временем и усыпанной буроватыми пятнами. На нём – чистая белая рубашка и голубые льняные брюки. Тонкие, как у ребенка, ноги были аккуратно скрещены и обуты в темно-синие эспадрильи.

В стороне Пит глухо зарычал.

– Господин! – позвал мужчина громче, но старик не пошевелился. Его голова лежала набок, утонув в песке.

Мужчина осторожно коснулся его плеча и слегка потряс.

– Вам лучше не спать здесь, – произнёс он тихо. – Солнце уже встаёт, и...

И только теперь он увидел застывшую челюсть. Инстинктивно приложил ладонь к шее. Холод – и ни следа пульса.

– Чёрт... – выдохнул он и перевернул тело. Полуоткрытый рот, пустые глаза. И тогда он заметил надпись на рубашке.

Воздух исчез из его лёгких, будто их сжали изнутри.

– Нет, – прошептал он. – Нет... этого не может быть.

Пит снова залаял, но мужчина его уже не слышал. В ушах звенело. Дрожащими пальцами он вытащил телефон.

– Пожарная, скорая, полиция? – донеслось из трубки, едва он набрал 112. – Где вы находитесь?

– Скорая! На Хогс Хил! – крикнул он. – Наверху, в Домбурге! Быстрее, прошу!

Женщина на линии спросила, что случилось, но он уже повесил трубку. С трудом стащил с ноги эспадрилью, поднялся и, размахнувшись, швырнул её как можно дальше, в дюны.

– Принеси, Пит! – позвал он, голос его сорвался. – Быстро, за ней!

Пит на миг склонил голову набок, словно в недоумении, но затем радостно рванул вперёд, за летящей обувью. Как только собака скрылась из виду, мужчина обернулся, выключил телефон, метнул его через ограду и сам бросился бежать. Вниз, стремглав по песчаной лестнице. У него было не больше двух минут. Потом он должен был исчезнуть с лица земли.

Двумя днями ранее

– Мне уже начать собирать чемодан Армана? – крикнула Наташа сверху. – Уже почти три часа.

Тара подняла глаза от чертёжного стола.

– Да, пожалуйста.

– Летние вещи все брать? – спросила Наташа.

– На две недели, – ответила Тара, закрывая коробку с карандашами. – И что-нибудь на случай дождя. Никогда не знаешь.

– Сделаю, – отозвалась Наташа.

Почти сразу сверху послышался скрип – Наташа, её няня и, по сути, единственная опора, открывала один за другим шкафы, перебирая вещи с привычной деловитостью и мягким шумом ткани. Уже шесть лет эта женщина была рядом, с тех самых пор, как появился на свет Арман: сначала приходила три раза в неделю, потом, после смерти Даниэля два года назад, – пять, а порой и шесть, особенно в дни перед показами, когда жизнь превращалась в вихрь. Тогда Наташа, казалось, была повсюду одновременно – стирала, платила счета, закупала продукты, укладывала Армана спать вовремя, чтобы Тара, уставшая, но всё же могла прочитать сыну книжку, исполнив, как ей казалось, ритуал нормальной, хорошей матери.

Тара сложила аккуратную стопку своих эскизов. Многие коллеги давно перешли на цифровой дизайн, но для неё это было nonsensical. Только чистый белый лист – просторный, ослепительно неподвижный – мог разжечь в ней ту внутреннюю искру, из которой рождалась форма. Только после долгого колебания, когда она наконец брала карандаш и начинала выводить линии, из которых постепенно рождалось платье или пальто, в душе наступало спокойствие. Всё происходило так, как писал Руми, великий персидский поэт и любимец её матери:

Останься в тишине – и услышишь, что шепчет душа.

Она сложила наброски в аккуратную стопку, убрала в ящик и закрыла его. Мастерская была уже приведена в порядок. Обычно здесь трудились как минимум четыре человека: кто-то делал выкройки, кто-то резал мягкие ткани, возился с пуговицами или вместе с моделями оттачивал детали новых нарядов. Но после завершения зимней коллекции Тара решила впервые устроить летний перерыв. После столь удачного года все находились на грани истощения. Да и ей самой требовалось немного отдыха – хотя она с тревогой ждала этой тишины в голове. Работа спасала её от собственных демонов, отгоняла их, словно свет – ночных мотыльков.

Когда она окончательно расчистила чертёжный стол и заперла шкафы, подошла к окнам сбоку мастерской. Этот вид – слева отель New York, справа – Маас, и по реке нескончаемая вереница судов, – именно он заставил Тару выбрать это место. То, что здание спроектировала Франсин Хаубен, женщина-архитектор, которой она восхищалась, стало дополнительным чудом. А когда освободилась квартира этажом выше, и появилась возможность соединить её с мастерской внутренней лестницей, Тара окончательно влюбилась в этот дом.

Она закрыла окна, и взгляд её медленно скользнул за круизным лайнером, неторопливо плывшим мимо, – словно жизнь сама напоминала ей о движении, от которого никуда не уйти.

Когда-то остаться в Амстердаме казалось бы естественным продолжением её жизни – почти органическим, как дыхание. Там она училась в Академии Геррита Ритвельда, там делила маленькую квартиру в Де Пейп с Даниэлем. Там же, в тесном кругу друзей, она впервые узнала, как пахнет настоящая преданность – запах кофе, дождя и утренних сигарет. После его гибели они, бедняги, собрались вокруг неё плотным кольцом заботы, и это кольцо, сперва ласковое, вскоре стало ей удавкой.

Она не могла вечно оставаться жалкой молодой вдовой – живым памятником чужому горю. Сочувственные взгляды терзали хуже осуждения. Даже улицы, даже мосты города, казалось, шептали ей: вот здесь он улыбался, вот здесь взял тебя за руку. И от этих призрачных прикосновений Амстердам становился невыносим.

Роттердам, с его ветром, пахнущим морем и железом, дал ей то, чего она жаждала – забвение. Анонимность, простор, в котором можно раствориться. Но зимой этот простор вдруг обернулся пустотой. Впервые она ощутила одиночество не как отсутствие кого-то, а как присутствие – ледяное, ощупывающее, живущее в груди.

– Даже его коробку с Playmobil? – крикнула сверху Наташа. – И дожdevик тоже?

– Подожди, я сейчас, – ответила Тара, и голос её прозвучал мягко, как шаг по пыли.

Она подошла к углу, где стояла вешалка с одним-единственным платьем – как с молчаливым укором. Осторожно натянула на него тонкий чехол, будто укрывала спящего.

Пять месяцев назад сама королева Максима обратилась к ней с просьбой придумать наряд для Дня Принца. Для дочери иранской беженки это было почти баснословно, и, конечно, общество поспешило испортить чудо. В социальных сетях писали: слишком большая честь для такой, как она. Другие язвительно намекали, будто выбор был продиктован лишь политической корректностью – будто её искусство, её труд, её бессонные ночи с иглой и мелом – всего лишь побочный эффект добродетельной моды.

К счастью, Максима сразу пришла в восторг от её задумки – строгого, почти торжественно-сдержанного наряда, сотканного из тончайших слоёв ржаво-коричневой органзы, с узким, точно очерченным лифом. К нему Тара создала накидку, на которой уже несколько дней

терпеливо вышивала строки стихотворения Юдит Херцберг – десятки крошечных, сияющих швов, складывавшихся в тихий шепот слов:

Пусть слова не сотрутся,
пусть навек оберегутся -
от грязи, от лжи, от дел суетных,
от фактов – нелепых и бесцветных.

Тара страстно мечтала, чтобы это стало явью – не просто платьем, а явлением веры в чистоту мысли.

Она завязала чехол у подола и осторожно сдвинула платье в глубь шкафа, подальше от прямых лучей. Через месяц будет примерка – и, возможно, улыбка королевы. Мелкие изменения не пугали: нить, игла, терпение – её стихия. Но замысел – тихий, почти неуловимый протест против поляризации – она намеревалась сохранить неприкосновенным.

Тара надела домашние шлёпанцы и медленно поднялась наверх. Лофт, несмотря на настежь распахнутые двери, выходившие на террасу, дышал жаром и неподвижной, липкой тишиной – словно нутро тропического цветка, где воздух густ и сладок, как мед, и не даёт вдохнуть до конца. Пыль в солнечных лучах плавала ленивыми спорами, похожими на золотых насекомых, застывших в янтаре между мирами. Наташа, с взмокшим лбом, склонилась над двумя чемоданами. Её огненно-красные пряди слиплись и поблёскивали от влаги, словно языки затухающего пламени в полутьме.

– Я и твой тоже достала, – сказала она, подвигая пустой чемодан по столу к Таре. – Только вот не знаю, что ты собираешься брать?

– Как можно меньше, – ответила Тара.

– Звучит как план, – хмыкнула Наташа и подняла вверх коробку с игрушками – Playmobil Армана. Из-под рукава её майки выглянуло жало змеи, вьющейся по коже. – Эту тоже взять?

Тара кивнула:

– И раскраски. Те, где пираты.

Сначала – глухой бум о пол, потом – топот босых ножек, и наконец – скрип ручки двери, медленно опускающейся вниз, как предвестие бури.

– Мама! – крикнул Арман, влетая в гостиную, сияющий, как солнечный зайчик. – Мы уже едем?

Тара аккуратно уложила одежду в чемодан и прижала сына к себе.

– Ещё пару мелочей, мой зайчик. Через час выезжаем.

– Только через час? – в голосе мальчика прозвучала вся трагедия ожидания. Она вдруг заметила, что ему срочно нужен парикмахер – густые каштановые кудри падали на лоб, закрывая тёмные глаза, будто занавес, скрывающий его мысли.

– Хочешь пить? – спросила она, стараясь отвлечь его. – Наташа, ты ведь делала арбузный шейк?

– Ещё лучше – арбузные ледяные палочки

Арман мгновенно сорвался с места и умчался на кухню. Наташа, крепкая, как канатная лестница, легко подхватила его и усадила в высокий стул.

– А ты поедешь с нами к муму? – спросил он с надеждой в голосе.

– Нет, не в этот раз, – улыбнулась Наташа, наливая сок в стакан и вставляя соломинку. – Этим летом я – на кемпинг во Франции. Буду кататься на каноэ по реке.

– Правда? – глаза Армана округлились от зависти.

– Может, ещё и по скалам полазим, – добавила Наташа, подмигнув. Потом взяла с кухонного острова телефон. – А вот, кажется, твой. Ты ведь его здесь оставила?

– Нет, это твой. Мой у меня... – Тара хлопнула себя по заднему карману и застыла. Пусто. – Ах, как же глупо! Ты права, совсем забыла.

– Вот он, – сказала Наташа, протягивая ей телефон.

И в этом простом жесте – в руке, протянутой через солнцем залитую кухню, – было что-то почти материнское, почти вечное: забота, переданная без слов, как дыхание между двумя женщинами, умеющими любить без свидетелей.

– Не понимаю, как можно быть такой рассеянной, – сказала Наташа, покачав головой. – Он тут валяется весь день.

– Это не рассеянность, а чистая сосредоточенность, – улыбнулась Тара. – Когда я работаю – забываю обо всём.

– Можешь не объяснять, я знаю этот диагноз, – фыркнула Наташа.

Тара пролистала сообщения, пришедшие за последние часы. Однообразный хор: работа, работа, работа. Она знала – следовало быть честнее с Наташей, признаться, что именно поэтому она почти не заглядывает в телефон. Подруги давно перестали писать. Слишком часто она отменяла встречи, слишком часто не отвечала, и в какой-то момент их терпение просто истаяло, как сахар в чае. Где-то глубоко внутри Тара чувствовала стыд – глухой, липкий, не дающий дышать.

На середине списка она вдруг замерла. Экран осветился фразой, словно вспышкой – и внутри, под рёбрами, всё сжалось.

– Нет... только не это, – прошептала она.

– Что случилось? Что-то по работе? – мгновенно спросила Наташа.

– Нет, ничего особенного, – ответила Тара, натянув улыбку – ту, которая должна была убедить, но лишь выдавала тревогу. Она поспешно сунула телефон в карман, хотя видела по глазам Наташи – та всё поняла.

И, чтобы сбить напряжение, повернулась к сыну:

– Знаешь, что здорово, Арман?

Мальчик оторвался от своего арбузного мороженого, с подбородка капала алая капля – как росинка крови.

– Что, мама?

– Дедушка Харм тоже приедет к нам погостить!

Арман вскинул руки от восторга, его глаза вспыхнули. А Тара, глядя на него, ощутила, как внутри медленно поднимается тошнота.

Её долгожданный отпуск вдруг перекосялся, как зеркало, и всё отражённое в нём – солнце, дом, море – потеряло форму.

– Ещё раз! – воскликнул Арман из своего детского кресла.

Тара взяла телефон и вновь включила плейлист Улицы Сезам, начиная с самого начала. Весёлый марш алфавита уже звучал, когда вдруг позади раздался резкий гудок. Она тотчас подняла взгляд и увидела впереди зияющий просвет в пробке. Быстро вновь сомкнула ряды машин, но не удержалась – раздражённо взмахнула руками.

– Болван, – пробормотала она. – Ради каких-то пары метров...

Из-за ослепительного блеска солнца в зеркалах ей было не разглядеть, заметил ли водитель джипа её жест, но тот по-прежнему висел у неё на бампере, неприлично близко.

Они уже стояли в пути больше часа. Наивно было надеяться, что пробки окажутся терпимыми. Но ведь это было начало летних каникул, конец недели, предвещавший знойные выходные. Разумеется, вся Германия потянулась к зееландскому побережью.

В зеркале заднего вида Тара видела, как её сын, сияя, покачивался в такт музыке.

– Бэ – как в “билет”, “бодрый”, “будка”, “бабочка”, “брр”! – весело распевал он.

Арман всё больше становился похож на отца. Кожа его темнела, а тёмно-карие глаза словно углублялись, приобретая тёплую, загадочную глубину.

Её более всего поражал в Армане не смех, не глаза, не жесты – а это неуничтожимое, солнечное чувство оптимизма: то самое, что когда-то пленяло её в Даниэле. Эта мысль была и утешением, и болью.

– Хэ – как в “ха-ха”, “хорошо”, – подпевала она, улыбаясь. – Но с “Хэ” можно и “хныкать”.

Вдруг фургон впереди резко остановился, и Тара ударила по тормозам. Машина встала как вкопанная – вовремя. Почти сразу позади вновь, уже злобнее, взвыла клаксонная сирена. Кровь прилила к её щекам.

– Идиот, – громко произнесла она. – Расслабься, приятель! Это же отпуск!

– Да! Отпуск! – подхватил Арман. – От-пу-уск!

– Хорошо, правда, малыш? Ещё чуть-чуть – и мы приедем.

Тара обмахнула себя рукой и прибавила холод в кондиционере. Арман, к счастью, оставался весёл, но у самой дыхание снова стало поверхностным. Она и так выехала взвинченной – а теперь эти бесконечные километры нетерпеливых машин! К тому же бабушка Элиза уже в третий раз прислала сообщение: где ты? – что вовсе не добавляло спокойствия.

Дальше, на трассе N57, она заметила, как поднимается мост. Проклятье – ещё четверть часа потеряно. По-хорошему, следовало бы заглушить двигатель, но без холодного воздуха кондиционера она не могла. Она быстро написала Элизе, что придётся подождать, и тут же получила ответ – плачущий смайлик. Когда, интересно, бабушка успела научиться этим пользоваться?

Она отпила воды, передала бутылку Арману и взглядом проводила пару на электрических велосипедах – они, держась за руки, скользили по полям. Это мог быть Даниэль, – подумала она, – он тоже любил крепко сжимать её пальцы, будто боялся отпустить. Рука – под её спиной, лёгкое прикосновение к плечу, мимолётный поцелуй в шею.

Она взяла телефон и сделала снимок – как делала нередко, когда сцена перед ней напоминала о муже.

Как жестоко, что человеку не дано знать заранее, сколько мгновений счастья ему отпущено.

Если бы он только сидел сейчас рядом, подумала она.

Он умел придавать её визитам к бабушке такую чудесную лёгкость.

А сегодня – особенно, ведь отец неожиданно решил приехать; без его присутствия всё, наверно, вышло бы тяжеловесно.

– Мам, можно конфету? – крикнул Арман сквозь новую песенку, Зоопарк. – Или розовую булочку? Лев ведь тоже ест розовые булочки и...

– Можешь Лигу, – перебила его Тара, шаря в сумке на соседнем сиденье.

В переднем кармашке ничего не было; она сунула руку глубже.

– Мама! – позвал Арман.

– Тише, подожди немного, я только...

Вдруг сверху, по крыше, глухо ударило. Тара вздрогнула.

– Что это было?

– Слон! – восторженно закричал Арман. – Смотри!

У окна стоял мужчина.

Точнее, виднелись только длинные ноги в джинсах и выцветшая майка. Лица не было видно.

– Что-то случилось? – крикнула она сквозь стекло.

Лёгкий стук по окну. – Открой!

– Полегче там! – ответила она. – Чего ты хочешь?

В одно мгновение она заметила в боковом зеркале, что дверь джипа распахнута. Сердце забилося чаще.

Этот тип пришёл сводить счёты. Чёрт, им некуда было деться.

– Мам? – голос Армана вдруг стал тихим, робким. – Мы сейчас поедem быстро, да?

Мужчина попытался открыть дверцу. К счастью, она была заперта.

– Не трогай! – крикнула Тара и ударила кулаком по стеклу. – Отвали!

– Мама!

Ещё один рывок за ручку.

Тара ударила по клаксону. – Пошёл к чёрту!

Может, ей удастся как-то вывернуть машину и ускользнуть по обочине? Рука дрожала, с трудом она воткнула первую передачу.

– Эй, царица Таринина!

Перед боковым окном появилось весёлое лицо – растрёпанные рыжеватые волосы, широкая, беззаботная улыбка.

Лишь когда он снял солнечные очки, она поняла.

– Господи, Олли! – Тара выдохнула. – Я чуть не умерла от страха!

Они уже, наверное, несколько минут стояли рядом с машиной и разговаривали. Вдали, у моста, проплывал трёхмачтовый парусник. Оливье дружески помахал Арману, но Тара всё ещё не решалась взглянуть ему прямо в глаза.

Она сразу вышла из машины, когда поняла, кто это, и коротко обняла его – однако стыд за свою вспышку не отпускал.

– Да ты прямо как загнанный зверёк, – заметил Оливье.

Почему – объяснять она не хотела. По крайней мере, не здесь. Не в лёгком летнем платье, не в шлёпанцах, не на дрожащем от жары асфальте, среди нетерпеливых отпускников.

Они оба говорили слишком быстро, перескакивая с пустяков на пустяки, словно пытались заглушить что-то невысказанное. Оливье рассказал, что только что вернулся из Хьюстона, где, как архитектор, участвовал в строительстве нового аэропорта.

Она заговорила о последней Неделе моды в Копенгагене.

Он, оказывается, читал недавнее интервью.

– Да ты же мировая знаменитость! – сказал он. – Здорово!

– Всё само получилось, – улыбнулась она. – Я просто люблю свою работу.

– Это я понимаю, – кивнул он.

– А ты? Европейская премия... за библиотеку, верно?

Он кивнул снова. – В Берлине. Но награда – это ведь заслуга всего бюро, конечно.

– Ну да, конечно, – с лёгким сомнением ответила она.

Оливье провёл рукой по волосам – теперь они торчали ещё беспорядочнее.

– И надолго ты сюда? Надеюсь, хотя бы на выходные?

– Даже больше. Взяла две недели отпуска.

– Вот как! – с нарочитым восхищением он сделал шаг назад. – Настоящие летние каникулы. Прямо как раньше.

Тара засмеялась:

– Знаю. Это будет испытание – столько времени ничего не делать.

Они не виделись уже десятилетия, но их беззаботная беседа текла удивительно легко, почти по-старому. Тара не могла понять, почему – она уже отвыкла чувствовать себя так спокойно, так непринуждённо.

– А как ты вообще догадался, что я в этой машине? – спросила она.

– Три попытки, – усмехнулся он и кивнул в сторону надписи с названием её компании на боку Вольво. – Не слишком сложно, правда?

Она улыбнулась в ответ. – Верно. Ежу понятно.

– Ну что, ждёшь завтрашнего дня? – с живостью спросил Оливье. – Воссоединение, все дела. Может, начнём со строительства фортов? А потом, как в детстве, весело разрушим песочные замки друг друга.

Только теперь Тара прямо посмотрела ему в глаза. Взгляд у него оставался всё тем же – мальчишеским, чуть насмешливым, как тридцать лет назад. Конечно, он постарел, но морщины лишь добавили лицу благородства.

– Тебе правда не терпится, да?

– В какой-то момент, – сказал он, – наступает возраст, когда оглядываться назад становится приятнее, чем смотреть вперёд.

Тара рассмеялась:

– Звучит чересчур стариковски!

– Ну знаешь, сорок пять... уже перевалил за экватор.

– Тут спорить трудно, – сказала она и кивнула в сторону моста, медленно опускавшегося вниз. – Нам пора ехать.

Оливье едва коснулся её руки.

– Завтра тебя забрать? Увижу заодно и Элизу. Как она?

Тара поспешно объяснила, что её бабушка отошла от общественной жизни, но по-прежнему в курсе всех событий.

– Не удивлён, – улынулся он. – Она ведь всегда знала всё про каждую домбургскую семью.

В пробке один за другим завелись моторы.

– Ну, все...

– Ладно! – Оливье почти извиняющимся жестом поднял руки вверх. – Члены Luctor et Emergo.

– Именно. – Тара распахнула дверь. – Но пусть она об этом не узнает.

– Завтра в четыре?

Тара подняла большой палец и быстро села в машину. – На велосипеде, да?

– Конечно. Езжай осторожно.

Она помахала рукой. – До завтра.

– Мам? – сразу спросил Арман, когда она закрыла дверь. – Кто это был?

– Старый друг. С пляжа.

– Как Патрик?

Тара обернулась. – Именно, как твой летний приятель.

Патрик был пятилетним сыном Феликса, самого большого арендатора велосипедов в деревне. Раньше Феликс тоже входил в их летнюю компанию. Но когда большинство в конце августа покидали деревню, чтобы вернуться к своей настоящей жизни в Роттердаме, Феликс оставался в тихом Домбурге.

Арман, плаксиво, с утомлённой голодом детской настойчивостью напомнил о себе.

– Я есть хочу.

– Да, милый. отозвалась Тара и, бросив взгляд на пачку печенья Лига, которая лениво лежала рядом с сумкой, словно ожидая своего часа, не теряя ни мгновения, открыла её. Печенье полетело к заднему сиденью, словно сдаваясь в плен маленькому диктатору. Она облегчённо вздохнула: ещё немного – и они достигнут цели.

Она завела машину, и пока кемпер перед ней медленно трогался, через зеркала она ещё успела мельком заглянуть в джип; внутри она различила только огромную лениво дремавшую собаку. Если у Оливье уже была семья, то, судя по всему, на этот юбилейный уикенд он приехал в одиночестве.

Тара сняла телефон с прикроватной тумбочки. Было немного после семи, и солнце, словно наглый, любопытный гость, уже безжалостно заливало комнату, просачиваясь сквозь тонкие льняные занавески, лениво колыхавшиеся на ветру распахнутых балконных дверей, наполняя воздух утренним светом, смешанным с запахом свежескошенной травы, а где-то вдалеке, почти как в насмешке, мягко гудел трактор, который своим однообразным рокотом внушал ощущение, что мир всё ещё крутится, несмотря на всё её желание просто раствориться в этом безмятежном и тихом утре. В остальном дом был погружён в полнейшую тишину. Ни беготни по коридору, ни криков мама, ни ударов по двери.

Невероятно, что Арман всё ещё спал. Сама же она провела ночь в столь же глубоком сне. Вот что творил с ней Тер Дюйн. Восемнадцатый век семейного дома укрывал его на краю леса, на естественном возвышении, с видом на бесконечные луга. Имение было близко к деревне, но ощущалось отдалённым. Здесь невозможно было думать о чём-то ином, кроме как отключиться от всего и, если повезёт, расслабиться.

Вчера, после долгой поездки по песчаной аллее, Тара опустила все окна автомобиля и впервые услышала тишину. Ни автомагистралей, ни поездов, ни аэропортов поблизости. Ни вышек сотовой связи, ни огромных ферм, ни уродливых многоэтажек.

Арман, как обычно, по очереди называл животных, едва мелькавших в просветах травы: лошадь, овец, низко летящую цаплю и что-то, подозрительно похожее на зайца, – словно произнося имена невидимых жителей сказочного мира, который существовал исключительно в его воображении. В конце концов он разглядел и своё любимое животное – коровы фермера Виллема стояли поодаль, в тени нескольких старых каштанов. Если бы они не сидели в электрическом автомобиле, то это их тряское продвижение вдоль полей вполне могло бы происходить и сто лет назад.

Тара выбралась из постели, оставив измятые простыни как были, накинула халат. Затем снова подняла телефон и сделала снимок: взъерошенная постель вернула ей память о длинных воскресных утрах, проведённых с Даниэлем – читали, смеялись, любили друг друга. Сохранив фотографию в альбом под названием как это было, она вновь ощутила ту потерю, которая всегда, где-то внутри тела, давила лёгкой, но неотступной болью.

Она поспешно сунула ноги в шлёпанцы. Если сейчас спуститься вниз, можно будет выпить кофе в одиночестве – прежде чем Элиза появится на завтрак, – дать дню войти в душу неторопливо и чисто. Её бабушка уже десятилетиями получала от Марии завтрак в постель и читала *The New York Times* – единственную, по её убеждению, серьёзную газету на свете. Прежде Мария даже гладила газету, чтобы избежать чернильных пятен, теперь же Элиза читала её на iPad. За вчерашним ужином Тара снова заметила, насколько острой остаётся мысль её бабушки. Украина, Иран, высокая инфляция – о каждом мировом событии она была осведомлена.

На цыпочках Тара прокралась мимо спальни Элизы. Последнее, чего ей хотелось, – это услышать зов из-за двери и подвергнуться дальнейшим расспросам о собственной жизни.

Вчера, за ужином, бабушка поинтересовалась её личной жизнью, узнала, какие знаменитости заказывали её платья, и кто собирается на выпускной бал их детства.

К счастью, Арман отвлёк её хаотичным рассказом о детском сериале Щенячий Патруль и о своём любимом псе Чейзе. То ли Арман немного шепелявил, то ли бабушка стала тугоуха.

– Свинаячий патруль? – несколько удивленно переспросила она, внимательно посмотрев на Армана.

– Нет, сви-ня-чий! – четко и с детской раздражительностью ответил он. Взрослые засмеялись, Арман вспыхнул и нахмурился. Элиза обожала своего внука – единственного наследника рода Ризен-Ферслейс.

Тара спускалась по широкой лестнице мимо портретов предков. Её любимицей была Катерина, её прапрабабушка, писавшая книги по философии при французском дворе –

необычно для женщины XVIII века. Катерина, в своих чувственных платьях в стиле ампир, вдохновляла Тару на летнюю коллекцию прошлого года.

Внизу, в полукруглой столовой, Мария одетая в черное платье с большими бусами на белой шее, уже накрывала завтрак, а двери эркера на террасу были распахнуты. На столе стоял большой букет полевых цветов и блюда со свежей клубникой, взбитыми сливками и тёплыми сконами. Рядом с табличкой с именем Тары, сделанной из Wedgewood, лежал её собственный серебряный держатель для салфетки и салфетка с вышитыми инициалами – именно так, как Мария готовила всё десятилетиями.

Тара съела лишь яйцо всмятку и взяла кофе с собой на улицу. Низкое утреннее солнце освещало розовый сад, и оранжевые цветы казались воспламенёнными. Её отец вчера всё же не пришёл. Неудивительно: работа всегда была на первом месте. И благодаря этому неизбежная напряжённость была, к счастью, отложена. Её отношения с отцом были сложными, а между Элизой и её сыном царила откровенно ледяная дистанция.

Тем не менее, теперь Тара впервые ощутила, как остро ей недостаёт его присутствия. Его тихая, почти незаметная фигура, с прямой осанкой и слегка нахмуренными бровями, всегда действовала на неё странным обволакивающим образом – словно невидимая броня, защищающая от назойливой энергии Элизы, от её постоянных вопросов и контролирующего взгляда. Его молчание, кажущееся порой холодным и отстранённым, теперь воспринималось как тихая поддержка; ровное дыхание, размеренный шаг и неизменная уверенность – всё это давало ей ощущение безопасности, редкой и драгоценной, почти как мгновение, когда сквозь густые облака пробивается солнце и освещает узкую тропинку в саду.

Она вспомнила, как иногда ловила себя на том, что почти инстинктивно поворачивается к нему в поисках этой опоры, как маленький ребёнок, ищущий руки родителя в толпе. Даже в моменты раздражения, когда он не отвечал на её вопросы или казался отстранённым, его присутствие оставалось якорем, неподвижным и надёжным, в море повседневного хаоса.

– Тара! – вдруг прозвучал панический голос. – Тара, ты меня слышишь?

Она обернулась и увидела Элизу на балконе в пеньюаре. Её старушечье по-мартышевски сморщенное лицо дрожало и было красным от волнения.

– Доброе утро...

– Арман с тобой? – бабушка опиралась на перила. – Ты уже подняла его с постели?

Возвращаясь в дом, Тара объяснила, что сын уже давно может вставать сам.

– Скорее всего, он с Марией, – крикнула она вверх. – Играет с Playmobil?

Бабушка энергично покачала головой:

– Нет, Мария тоже не знает, где он.

– Тогда он, должно быть, у коров.

Тара замерла у балкона.

– Ты спрашивала у Виллема?

– Конечно, – ответила бабушка, – но его нигде нет.

Холодный озноб пробежал по спине Тары.

– Это сомнительно, – сказала она, стараясь сохранять спокойствие. – Наверняка прячется. В последнее время он так часто делает.

– Послушай же, Тара! Твой сын пропал!

Она оцепенела. В мгновение ока перед глазами встала сцена с бабушкой у камина сорок лет назад.

Глаза её были красны от слёз; она всё твердило одно и то же – что её мать исчезла, ушла навсегда. Но пятилетняя Тара тогда ровным счётом ничего не понимала, не могла охватить умом случившееся.

– Я иду, – сказала Тара, уже направляясь к распахнутым дверям. – Подожди немного.

И вдруг за её спиной послышался шорох. Она резко обернулась. Из рододендрона, словно выплеснувшись из тени, выскочила большая собака.

– Пит... – прошептала Тара, опускаясь на подкашивающиеся колени. – Что ты здесь делаешь? Где твой хозяин?

Пёс лизнул её щёку и стал кругами бегать вокруг, возбуждённо виляя хвостом.

– Ты видел Армана? – Тара схватила его за ошейник. – Ищи Армана!

Собака мгновенно сорвалась с места, метнулась в сторону поля, и Тара увидела, как из-за каштанов появляется высокая фигура. На плечах этого человека сидел ребёнок, приветственно размахивая рукой.

Тара сразу же замахала в ответ и босиком бросилась через влажную утреннюю траву им навстречу.

– Где вы были? – крикнула она, когда расстояние позволило говорить. – Арман, солнышко, мы уже успели тебя потерять.

– Дедушка показал мне домик гнома, – сообщил сын, лениво перебирая пальчиками седые кудри деда. Его голубая пижамка была вся в зелёных пятнах. – Самого большого зовут Клаас.

– Клаас... да, я его помню, – выдохнула Тара, останавливаясь перед отцом. – Привет, пап.

– Тара.

Он выглядел усталым, отметила она вдруг, как будто что-то несло на себе груз давних, неразрешённых дум.

Он казался утомлённым, подумала она. Морщины, что проступили тридцать лет назад – после смерти её матери, внезапно и как-то безжалостно – теперь выглядели глубже, резче. Глаза его потускнели.

– Как ты? – Он едва коснулся своей толстой ладонью её плеча. – Всё ли хорошо на работе?

– Суета, – коротко бросила она, хотя рассказать могла бы куда больше. – Вы уже завтракали?

– Нет, но я хочу блинчики! Можно ведь, дедушка? – спросил Арман.

– Разумеется, дружок. Обещание есть обещание.

Пока они возвращались к дому, отец объяснил, что вчерашнее собрание комиссаров затянулось до десяти вечера, и он был слишком утомлён, чтобы ещё час добираться до дома. Но утром он выехал из Роттердама ни свет ни заря, лишь бы успеть разбудить Армана.

– Это мило с твоей стороны, – искренне сказала она. То, что её отец теперь проявлял больше нежности к своему внуку, чем когда-либо проявлял к ней, могло бы ранить – но она радовалась за Армана. – Он правда наслаждается этим.

Отец на мгновение поискал её взгляд. Его морщинистое лицо странно насунилось. Кажется, хотел что-то спросить, но вместо этого заговорил о друзьях своего отца, её деда, которые тоже устраивали встречи участников детского бала. Однако после его смерти в 1961 году они прекратились.

– Хорошо, что вы продолжаете эту традицию, – сказала она. Отец играл с ногами Армана. – А вот мою собственную летнюю компанию я не видела уже целую вечность.

– Мы ведь последний раз собирались вместе только на похоронах твоей матери.

– Правда? – Тара уставилась на свои испачканные травой ступни. Отец редко начинал говорить о матери сам. Ей хотелось схватить его за руку, удержать, расспросить обо всём: умела ли мама танцевать, какие книги любила, тянулась ли к красивым платьям так же, как Тара сама. Она жаждала этих крупинок, этих неслышных дыханий прошлого, которые превращают тень в живого человека. Но она лишь пошла дальше и произнесла: – Этот день я помню.

– Тебе было тринадцать.

Почти четырнадцать, подумала она, но вслух не сказала.

– Было тридцать пять градусов, – продолжил отец.

Она кивнула.

– Почти как сегодня обещают?

– Тогда мы тоже были здесь.

Живот её будто стянуло. Она хотела, чтобы он рассказал больше, и в то же время молила, чтобы он замолчал. День прощания с матерью давно превратился в туманную кляксу, и, пожалуй, она и не выдержала бы, если бы туман рассеялся.

– Помню, – сказала она грубее, чем хотела.

– Мы ведь неделями ждали вестей. Ты это тоже помнишь? – голос его дрогнул. – А когда узнали... что она умерла...

– Смотри, дедушка, у той три пятнышка! – перебил Арман, показывая на корову у поилки. – Это маленькая Марта?

Отец моргнул, словно стряхивая тяжёлые мысли, и уже весело пустился рассказывать о том, как Марта родилась прошлым летом. Тара тоже выдохнула с облегчением.

Они не умели говорить о смерти её матери – для обоих это было вязкое, неподатливое вещество, в котором легко было утонуть.

Когда Таре было пять, мать неожиданно осталась в Тегеране после короткого семейного визита. Почему – никто так и не объяснил. Отец твердил, что она скоро вернётся, но Тара с самого начала этому не верила. И когда, восемь лет спустя, пришла новость о её смерти, она не смогла даже толком заплакать.

На похоронах плакали другие – друзья её отца, например, – громко, неуклюже, с растерянным надрывом. Тара и тогда находила это неудобным, почти неприличным, и до сих пор большие эмоции действовали на неё как слишком яркий свет. К счастью, у её сына этого не было: Арман бурно обвил ручками шею деда.

– Марта хорошая, да? Как Пит.

– Животные – лучшие друзья, какие только могут быть у человека, – подтвердил отец.

На пороге большого дома уже стояла Элиза в бледновато-лиловом шёлковом платье, которое Тара сшила для неё прошлым летом, выдавшимся на редкость прохладным. Ткань шевелилась вокруг неё нежно, как облачко, – именно так Тара и задумывала.

Тара помахала рукой:

– Мы нашли нашего беглеца!

– И он голоден, – добавил отец. – Пора за блинчиками.

На узком лице бабушки расцвела широкая улыбка, бледные глаза свернули.

– Они уже ждут.

– Иди, проказник, – отец поставил Армана на землю, и мальчик, не мешкая, стрелой промчался мимо прабабки в дом.

31 января 1953

Четверо мужчин сидели за круглым столом в тускло освещённой комнате. Настольная лампа и тлеющее в камине пламя разливали по пространству жёлтоватый отблеск – ровно настолько, чтобы можно было разглядеть их ожесточённые лица. Мике знала, что они – закадычные друзья – так говорила Анни. Но отягощённая тишина, нарушаемая лишь едкими репликами, намекала на совсем иное.

Она стояла вполоборота за ширмой у дверей в коридор. Анни велела ждать здесь, пока один из мужчин не позовёт её. И хотя камин выглядел маняще в этот промозглый вечер, в темноте ей было куда уютнее. Она размяла ноги, посевив на месте, и, зевая, почесала себе озябшую шею и отодвинула немного ширму. Невидимой, она могла вдоволь рассматривать четвёрку приятелей.

У всех волосы были неряшливым бобриком, стрижены под машинку. По словам Анни, в сентябре их обрили наголо – какой-то студенческий обычай. Но это странное братство придавало им почти уголовный вид. Они вовсе не походили на тех высоких господ, какими должны были быть.

– Чёрт бы тебя побрал, Гейс, – внезапно прорезал тишину гортанный голос долговязого мужчины в коричневом твидовом пиджаке, который швырнул на стол стопку карт. – Ты должен был признаться в масти.

Мужчина с сальными плохо выбритыми щеками затряс двойным подбородком.

– Так зачем, к чёрту, ты козырем ходишь?

Вероятно, это был тот самый Гейс: он с яростью отодвинул стул, отчего ножки скрежетнули по полу.

– Ну же, господа... сосредоточиться, – попытался унять спор единственный усатый.

– Да, Фредерик, – отозвался мужчина, спину которого Мике могла видеть. – Где ты витаешь?

Фредерик, тот, что в твидовом пиджаке, вскочил.

– Здесь! – ударил кулаком по столу. – Здесь, в собственном доме, в компании полоумных болванов!

Гейс расхохотался.

– Да не кипятись ты так, парень! Ты просто перебрал со ставкой.

– Вот именно. Сядь, дружище, – усатый притянул Фредерика обратно на стул. – Такая глупость лечится только женевером! Штоффом доброго женевера!

Будто им подали команду, четверо начали стучать пустыми рюмками по столу – тик, ток, ток, ток, тик – словно призывая джина из воздуха.

Мике на мгновение замялась. Анни велела ждать, пока её позовут, но она всё-таки шагнула в комнату.

– Господа желают чего-нибудь выпить? – Она остановилась на краю ковра и потупила взгляд.

– Откуда взялось это робкое создание? – Гейс повернулся к ней. – И куда запропастилась наша пылкая Анни?

Мике почувствовала, как щёки полыхнули алым.

Поняли они, что ей всего шестнадцать? Анни уверяла её, что юный возраст никого в этом поместье не смутит, но у Мике были свои сомнения. Она знала: госпожа не терпела молодых девушек в хозяйстве.

– Анни на кухне, месье, – поспешно произнесла она, теребя пальцами подол передника. – Она готовит ужин на сегодня. Я ей помогаю.

– Превосходно, – сказал Фредерик уже мягче. – Как тебя зовут?

Она сделала шаг вперёд, подняв голову. Я – Мике де Йонг, дочь Хейна де Йонга. Может быть, вы его знаете... мой отец ездит на грузовике и...

– Знаю его, – перебил Фредерик. – Уже много лет.

Она говорила слишком много – это пронеслось у неё в голове. Надо держаться спокойнее.

Дочка уголыщика в твоём доме, – протянул Гейс, покачав головой. – Дальше будет только чудесатее, Фредерик.

Фредерик бросил в сторону друга выразительный взгляд.

– Напротив, я весьма рад этой юной особе. Добро пожаловать, Мике. Анни, думаю, будет благодарна за лишние руки.

– Я только на зиму, – торопливо добавила она, почти извиняясь. Ей не хотелось, чтобы из-за неё у Анни возникли неприятности. – Только когда вы бываете здесь по выходным.

Четверо мужчин молча уставились на неё. Неужели она сказала что-то не то? Надо было послушаться мать, запретившую ей наниматься зимней помощницей, в дом семейства Ресен-

Ферслейс. Да они же выжимают людей досуха! – говорила она. Но Мике была до безумия рада этому местечку. Всё лучше, чем бесконечные вечера в продуваемой всеми ветрами, ледяной каморке под крышей, которую она делила с младшей сестрой Элизабет.

Она как раз собиралась снова спросить, нужно ли всё-таки принести бутылку джина, когда раздался глухой удар.

Фредерик мгновенно вскочил.

– Что это было?

– Ветка? – Гейс тоже поднялся. – Или стул на террасе опрокинуло?

Фредерик подошёл к эркеру и раздвинул тяжёлые, как театральные кулисы, бархатные шторы, вглядываясь в бездну улицы. Дождь яростно шлёпал в окна, и капли, набегая друг на друга, сползали вниз неторопливыми, дрожащими дорожками. В этом беспокойном мелькании ему почувствовалось что-то лихое и мрачное.

– Ничего не вижу.

– Ветер-то как разыгрался, – пробормотал Гейс, становясь рядом. – Когда там обещали пик шторма?

– Ночью. Около трёх, – тихо сказала Мике.

Мужчины снова устали на неё молча – и теперь она сразу уловила смысл этой тишины: не её дело, не ей первой подавать голос.

– В трактире говорили, – добавила она едва слышно.

– В трактире слышала, – передразнил Гейс громко, возвращаясь к столу. – Ну, это мы с должным снисхождением проигнорируем.

А ведь ещё и большая вода, хотела вставить Мике, но вовремя прикусила язык. Не хватало только поставить Анни в неловкое положение своими всезнайскими замечаниями.

– Налить вам женевера? – спросила она, вежливо склонив голову.

– Это ставень, – пробурчал кто-то. – Расхлопался.

Фредерик вновь сомкнул тяжёлые портьеры – они вздохнули, как кулисы, уставшие от провинциального спектакля.

– Сможешь это как-то прикрепить... Мейке, кажется?

– Мике, месье.

– Вот и отлично. Сделай это, Мике. Но прежде – каплю огненной росы.

– Каплю... – протянул усатый, уже вознёсший свой бокал, – так нынче выражаются в Делфте?

Мике торопливо подхватила бутылку с серебряного подноса, стоявшего на буфете, и шагнула к столу.

– На подносе, – прошипел Фредерик, – не как уличная торговка.

Она вспыхнула, круто повернулась, водрузила бутылку на круглое блюдо и, держась за него, как за спасательную шлюпку, снова двинулась к господам. Щёки её, казалось, раскалились добела, но мужчины уже не обращали на нее внимания. Пока она выливали джин в рюмки, они бушевали над извечным вопросом: кто царствует в академических небесах – Лейден, Делфт или всё-таки Утрехт.

«Ах, какое издевательское чудо – выбирать университет» -, невольно подумала она, закручивая пробку. Для её семьи любой из них был столь же недосыгаем, как звезды и луна.

– Господин, бутылка почти пуста, – рискнула она заметить, но слова её погасли в воздухе, даже не дойдя до ушей. Она снова исчезла – не девушка, а тень, придвинутая к ширме.

Что ж, принесу другую сама, – решила она. Анни непременно знает, где спрятаны запасы. Правда, сперва надо выйти на дождь: пусть ещё раз хлопнет ставня – виноватой объявят её.

Этому её научило родное селение: случись беда – обвинят всегда таких, как она, никогда же – высокородных дам и господ, даже если ошибка у тех, словно клеймо, отпечатана на собственном лбу.

Июль 2023

Они сидели на подушках вокруг жаровни – пятеро людей, которые не виделись уже целую вечность, но общее прошлое снова вовлекало их в старую, приглушённую близость. За пляжным аперитивом они обменялись лишь вежливыми светскими вздохами о работе и семье. К счастью, никто не коснулся темы смерти Даниэля. Потом они, как тридцать лет назад, участвовали в крепостной игре. С треском проиграли: нынешние подростки были куда проворнее и мускулистее. В их удалстве Тара узнавала накачанную браваду, то сладкое ощущение неуязвимости, тогда как сами их тела дышали ещё не оформившейся, расплывчатой неуверенностью.

Они на минуту заглянули в Café Tramzicht, пропустили по Kopstootje, но грохот музыки и запах восемнадцатилетних прогнал их прочь. Ноги, помнившие прежние тропы, сами унесли компанию к Высоте – дому семьи Оливье, вечному приюту всех их бывших летних ночей.

Вилла стояла в дюнах, как забытая декорация: обветшавшая, с облупленным штукатурным загаром и рамами, обглоданными упорным западным ветром. Но именно эта разодранность и придавала дому очарование – словно морщинки, которые только украшали бы понравившееся лицо. Тара уловила эту мысль с тихим, почти испуганным удовольствием.

Рядом валялась Малю – разморенная, погружённая в кресло-мешок, будто в огромную воронку. В начале вечера она бодро щебетала о своих гениальных детях и блестящем муже, но теперь, густо опьянев, со смехом призналась, что тайком находит себе любовников через Second Love.

– Тебе тоже нужно, – пропела она Таре в ухо, губами щекоча воздух. – Особенно этих юных тридцатилетних... умеют они, ох умеют... и пальцами, и языком...

Тара с трудом могла сомкнуть воображение с реальностью – неужели эта прилизанная хоккейная мамаша встречается с молодыми любовниками в унылых мотелях вдоль автострад, в непромытых номерах со скрипучими кроватями и стойким запахом табака и дешевого освежителя воздуха? Но тут же одёрнула себя: не ради свободы ли каждой женщины и придуман весь феменизм?

– Звучит... освобождающе, – выдала она, насколько могла ровно. – Женщинам часто достаётся меньше, чем положено.

С другой стороны Ирис, белолицая женщина с интенсивной манерой говорить, щебетала без умолку, рассказывая о ремонте своего дома на самой дорогой аллее Вассенара. Бывший муж, уверяла она, нанял бестолковых румын. – Мы до сих пор не нашли все протечки. Итальянскую мозаику всрываем снова и снова!

– Собственность – это оковы. Понимаю, – примирительно сказала Тара. Ирис когда-то была её лучшей подруга. Дочь строгого судьи, она в те годы превращалась в бестию, сбрасывая воспитание, как тесный панцирь. Притворяясь, что ночуют друг у друга, девочки мчались на Ruch Maхі садовника в ночной порт Флиссингена – грязные танцы с грязным народом, как ныне ворчала Ирис.

Теперь же губы у неё были раздуты до модной трескучести, волосы укрощены феном и оглушительно правильными мелированными прядями. Тара всё искала прежнюю дикость, ту электрическую искорку подростковой дерзости – напрасно.

Величавые Феликс и Робби уже часами восхваляли свои тела. Робби увлёкся крав-мага – это необычайно волновало Ирис, будто она представляла, как он выбивает кому-то зубы. Феликс – некогда Фритте Фликс – бегал марафоны: Копенгаген, Барселона... Но лишь когда он вспомнил их ночные набеги на забегаловку De Vrije Blik и бутерброд с тёплой кониной, в его взгляде мелькнула прежняя озорная распушенность.

Главным отсутствующим был Оливье. Он открыл им дом, показал холодильник, принёс дров, дал Феликсу ключ от флигеля с лампами и подушками – и исчез. Только его огромный бернский зенненхунд Берни лежал на траве, дыша величественной сонливостью.

– Надо кое-что уладить. Дела семейные, – сказала Тара, слышавшая, как он шепнул это Ирис. И в час столь поздний она нашла эту фразу почти безумной.

Тара ещё ни разу за весь вечер не заговорила с ним, хотя он – она это чувствовала каждым нервом – всё время держал её в пределах своего скрытного внимания. Их взгляды то и дело встречались на короткое, как вспышка, мгновение, или его рука, мимолётная и тепловатая, скользила вдоль её руки. Иногда он приносил себе пиво. Безалкогольное. Он быстро понял: она с самой смерти Даниэла не притрагивается к алкоголю – странная, почти магическая форма самонаказания, будто воздержанием можно было умиловить судьбу и уберечься от будущего несчастья. Но всего этого она ему, разумеется, не объясняла.

– Что ты сегодня такая тихая? – Ирис толкнула её плечом. – Именно ты живёшь такой захватывающей жизнью.

Тара пожала плечами.

– Ах, что тут назовёшь захватывающим?

– Не притворяйся скромницей, – сказала Ирис, поднимая бутылку вина к свету. – Я ведь слежу за тобой в Инстаграме. Все мечтают носить твои вещи. Постой... где мой бокал?

Тара наклонилась, нащупывая рукой влажную, прохладную траву, в которой шевелились тени и искры от огня.

– Здесь пусто.

– Ну и плевать, – сказала Ирис. Она поднесла бутылку прямо ко рту, осушила её одним вдохом и рукавом стерла блеск с губ. – Ну что, будет танцы?

Робби водрузил колонку на чурбак и добавил громкость.

– Прошу, начинайте.

Пока Ирис, задрав своё летнее платье, кружилась вокруг огня под Watermelon Sugar Гарри Стайлса, Малу наклонилась к Таре и едва слышно прошептала:

– Мне... нехорошо.

– Пойдём. – Тара мгновенно поднялась. – Я провожу тебя к туалету.

Но и Робби внезапно вскочил – словно какое-то важное, тревожное озарение наконец ударило и в его голову.

Его мускулистые руки поблёскивали в желтоватом свете пламени.

– Оставь это мне. Он обнял Малу за плечи и помог ей пройти через сад к дому.

Тем временем Феликс поднялся, завертелся с Ирис и неуклюже повалился на подушки рядом с Тарой. Он казался ещё ближе – и плотнее. Его трёхдневная щетина, прорезанная седыми нитями, придавала лицу неожиданную суровость. С каких это пор сорокалетние начали повально носить бородки?

– Ты нисколько не изменилась. Его голос слегка тянулся, словно знал дорогу к ней. Он затаился косяком и передал его ей.

– Только глаза... там что-то иное.

«Горе, утрата и много-много страха», подумала она. Но вслух произнесла:

– Тридцать лет моей жизни, должно быть.

Он улыбнулся:

– Вот почему у меня ещё щенячьи глаза. Ничего не пережил?

Вряд ли. Она сделала пару затяжек. Тёмные Феликсовы глаза отражали пламя, пока он смотрел на неё.

– Я слышала о смерти твоего отца. О проблемах с прокатом велосипедов во время ковида. О той лицензии, что тебе так и не дали. И ещё – о той гадкой краже со склада?

– Ах, это входит в набор. Государство – дрянь. Но я, к счастью, смог достать хорошие велосипеды в Восточной Европе.

Феликс наклонился, чтобы бросить в огонь огромный чурбан, и протянул ей бутылочку воды.

Но потому-то сегодня на пляже было так утешительно почувствовать, что так мало изменилось. Хотя... порой это и странит.

Тара затянулась снова и ощутила, как мышцы оттаивают.

– Ты тоже это заметил?

– Даже плебс способен на глубокие мысли, знаешь ли.

– Ну что ты, Феликс. Она вернула ему косяк и отпила чуть-чуть воды. Не это я имела в виду.

Защёлкала калитка, и Робби вернулся в сад.

– Я проводил Малу домой. Она уже, считай, не соображала.

– Хочешь воды? – спросил Феликс. – И откуда ты, кстати, сейчас?

– Из Бадпавильона, она там остановилась. Робби схватил Ирис за руку, пока из колонки лилась Lover Тейлор Свифт. Но мы здесь продолжаем. Есть ещё выпивка?

Феликс поднял пару бутылок.

Все пусты. Пойду поищу.

Глянь заодно, не свалился ли где-нибудь в доме Оливье? – сказала Тара.

Опираясь на её плечо, Феликс поднялся.

В самом деле, куда запропастился этот субъект?

Ему никак не удавалось держать прямую линию к двери.

– Старый пьяница, – крикнул вслед Робби. – Уже не тянешь, да? Пить-то в нашем возрасте.

Тара осела глубже в подушки. Рот у неё пересох – она ещё сделала глоток. Шум прибоя вдали и тягучая тёплая ночь делали её сонной. Она уставилась в тёмное небо.

И в этой простой, почти детской радости её сердце на мгновение успокоилось, словно летняя ночь и запах костра смогли заглушить целый мир.

Звёзды почти исчезли; на востоке уже пролегла бледная полоска рассвета. Значит, было не меньше четырёх. Чёрт побери, ей и впрямь пора домой – пока Арман не проснулся. Но будто вся усталость минувшего года стянула её мышцы свинцовыми лентами. Даже руку приподнять казалось невозможным.

– Вот ты где.

Она вздрогнула – и почувствовала тёплый влажный тычок в щеку. Берни вдруг оказался рядом, а за ним – Оливье. Его белая футболка и джинсы были усыпаны песком; волосы торчали ещё более непокорно, чем обычно.

– Ну не пугайся так всё время. Это всего лишь я.

– Я просто не слышала, как ты подошёл. Немного дремала... меня вдруг накрыла такая усталость.

– Поздно уже. Можно присяду рядом?

Тара кивнула и похлопала по подушке. Рука двигалась медленнее обычного.

– Где ты был? Феликс тебя нашёл?

– Нет. Почему должен был? Оливье опустился в песок рядом, его нога скользнула вдоль её ноги. – Я был на пляже. Закрывал дверь нашего пляжного домика.

Она посмотрела на него. Глаза оставались ясными.

– Сейчас? Посреди ночи?

– Я обещал это деду. Он погладил Берни, который улёгся у его ног. – Когда мы вернулись, я вдруг вспомнил.

– Получилось?

Он протянул ей бутылочку пива – безалкогольного.

– Разумеется.

– Твой дед здесь тоже? Она поставила бутылку в песок. – Спасибо, но мне скоро уходить.

Оливье указал на окно с плотно задвинутыми занавесками на втором этаже.

– Спит как младенец. Он всё ещё приезжает сюда каждое лето.
– Как и моя бабушка. Ей было приятно тебя увидеть.
– И мне её. Жаль, что твоего отца и сына не было – они ведь уехали в цирк. Оливье чуть осел в подушки. – Сколько ему сейчас?
– Он только что стал шестилетним.
Оливье взглянул на неё.
– Ты молодец. Так держать всё одной...
– Жизнь идёт, – отрезала она. Ей этого не хотелось – ни похвал, ни попыток приблизиться. – Но он скоро проснётся. Мне нужно идти.
– Моему уже восемнадцать. Заккери живёт с матерью. В Лондоне.
– Звучит не слишком уютно, – проговорила она рассеянно. Голова была словно набита ватой.
– Ничего, я часто летаю туда-сюда.
– Это помогает. Извини, но мне правда нужно идти.
Она попыталась подняться, но вновь упала в подушки: колени были резиновыми, непослушными.
– Останься ещё чуть-чуть. Оливье взял её за руку; пальцы его были липкими. – Мы ведь толком и не поговорили.
– Мне и говорить нечего. Я выжата досуха.
Он хмыкнул:
– Не верю ни слову.
– Но правда. Мозг у меня еле ворочается.
– Ну так давай молчать. Оливье подвинулся ближе. – И будем безмолвно глядеть на восход.
– Ну... немного.
– Прекрасно. Он глубоко вдохнул. – Как тебе сегодняшний вечер?
– Мило.
– В самом деле?
Она попыталась взглянуть на него, но взгляд расплывался, и она закрыла глаза:
– Если честно – вовсе нет. Все так заняты собой...
– Ты тоже заметила?
Тара кивнула.
– Примета времени, боюсь.
Она хотела бы развить мысль – о избалованном обществе, о бессмысленном нитье, о том, как мало благодарности осталось в Нидерландах, – но сосредоточиться уже было невозможно.
– Прости, меня вдруг так разморило...
– Иди сюда, – сказал Оливье, притягивая её ближе. – Постой так. Закрой глаза.
Хотя у неё имелось достаточно причин не подчиняться, она всё же позволила голове опуститься ему на плечо.
Может, короткий сон спасёт ситуацию: она успеет добраться домой до завтрака. Даже, возможно, испечёт для Армана блинчики. Впрочем, Мария могла и не одобрить этого.
И пока её мысли всё дальше уплывали от света и звука, она ощутила, как Оливье слегка провёл ладонью по её щеке. Она была слишком измучена, чтобы ответить.

– Доброе утро.
Тара услышала вокруг себя приглушённое постанывание.
– Доброе утро, люди, – раздалось уже гораздо громче.
Она бы и рада была открыть глаза, но мышцы лица казались неподвижными, как воск.
– Извините... секундочку, – пробормотала она. – Почти проснулась.

Вдруг три резкие хлопка – и собака залаяла.

– Прошу, поднимаемся!

Тара услышала зевоту, почувствовала какое-то шевеление у своей головы. Чей-то влажный язычок коснулся её щеки. Она что, всё ещё лежала на улице?

– Господин Верстаммен? Кто из вас Оливье Верстаммен?

Кто-то толкнул её в голову. Тара поняла, что всё ещё прислонилась к Оливье, который пытался подняться. Она медленно раскрыла глаза. Солнце резануло, и на миг она ослепла. Затем различила двух полицейских в саду: невысокого мужчину с руками на груди и рядом – высокую женщину с тёмными кудрями.

– Ну? Кто тут Верстаммен? – повторил мужчина, обводя всех строгим взглядом. Его рот был сжат в тонкую линию. – Верстаммен?

– Оливье...

Феликс и Ирис всё ещё спали, переплетаясь на траве. Её футболка задралась, его рука покоилась на её груди. Робби сидел ошеломлённо, выпрямившись, и смотрел на тлеющий костёр.

Рядом с Тарой наконец поднялся Оливье.

– Это я. Он небрежно поправил футболку и удержал Берни за ошейник. – Чем могу быть полезен?

Женщина шагнула вперёд.

– Вы знаете, где ваш дед? Господин М. Верстаммен.

– Наверху. Думаю, он ещё спит. Оливье провёл рукой по своим взъерошенным волосам – безуспешно. – Который час?

– Почти семь, – ответила женщина.

Мужчина смерил всех неодобрительным взглядом:

– Вы что, все здесь, на улице, ночевали?

– Разумеется, – сказал Оливье. – Ночь была тёплая. Но мой дед спит у себя в кровати.

Тара отряхнула песок с одежды. Она чувствовала себя странно пойманной – словно пятнадцатилетняя девчонка, застигнутая завхозом, целующейся за велосипедным сараем. Ей удалось сесть прямо, хотя мышцы оставались подозрительно вялыми.

– Олли, мне нужно идти, – прошептала она.

– Конечно, – сказал Оливье и помог ей подняться. – Ступай домой, позавтракай.

– Увы, пока нельзя. Мужчина-офицер теперь стоял прямо в центре круга. – Никто отсюда не уходит.

– Послушайте, сэр, – начал Оливье. – Это всё-таки мой сад, и я...

– Найдена одна особа, – сказала женщина, стоявшая широко, словно заграждая путь. – Глубоко престарелая.

– Найдена? – переспросил Оливье. – Что это значит?

– Здесь неподалёку, в дюнах. Недавно скончавшегося.

За один миг вся краска ушла с лица Оливье.

– Вы установили личность?

– Возможно, вам сперва стоит проверить, действительно ли ваш дед ещё спит, – произнёс мужчина с едва скрываемым торжеством.

Оливье бросился в дом, Берни – следом, цокая когтями. Мгновение Тара колебалась, идти ли за ним, но суровый взгляд женщины-агента пригвоздил её к месту.

Теперь и Феликс вскочил, ошарашенно озираясь; затем толкнул Ирис локтем. Они торопливо привели одежду в божеский вид и с трудом поднялись. Ирис не выпускала Феликса из руки.

– Геррит, что случилось? – спросил Феликс, язык у него едва ворочался. Он даже хлопнул агента по плечу. – Мы что, что-то натворили? Что произошло?

– Пока неизвестно. – Геррит, обводя глазом кружок сонных тел, машинально провёл ладонью по форме. – Эти люди тебе знакомы?

– Три-шечки, – сказал Феликс, растягивая слоги, – друзья времён вьюги юности, понимаешь.

Геррит покачал головой.

– Не знаю. Во всяком случае, этих – нет.

– Чёрт побери, – донеслось из открытого окна.

Тара услышала грохот, и Оливье вновь вылетел наружу.

– Его нет. – Оливье, задыхаясь, остановился перед агентами. – Что здесь происходит?

Женщина-агент мгновенно смягчилась и указала на скамью в дальнем конце сада.

– Господин Верстаммен, присядем на минутку?

Пока Оливье вместе с агентами выходил из круга, Робби поманил остальных.

– Плохо это звучит, – сказал он. – Что-то с этим стариком?

– Может, он ночью заблудился, – сказала Ирис, убирая упавшую на лицо прядь. – Такое часто бывает. Может, пока... немного приберёмся?

Феликс уже собирал бутылки.

– Этот Геррит – чистой воды фашист. В школе он тоже всех сдавал, до единого.

Тара могла бы пуститься в рассуждения о комплексе неполноценности или о том, как фрустрация порождает злоупотребление властью, но она смотрела только на Оливье. Он стоял к ней спиной, и по его бесконечно выпрямленным плечам она видела: дело худо. Слишком знакомо – она и сама одеревенела, когда полиция сообщила ей о Даниэле. Будто неподвижностью можно остановить время и повернуть смерть вспять.

Вдруг раздался лай. И не Берни – другая, крупная собака перемахнула через забор и помчалась прямо на неё.

– Пит! – Она распахнула руки. – Дурачина, что же ты здесь делаешь? Как ты меня нашёл?

Пёс лизнул её лицо и затем уселся перед ней, тонко поскуливая.

– Где же хозяин? – Она оглянулась, но нигде не увидела отца. – Он всё ещё на бульваре?

В этот момент вернулся Оливье.

– Ребята, мне жаль, – сказал он глухим, ровным голосом. Лицо его было напряжено, как маска. – Мне надо ехать в участок.

– Это из-за твоего деда? – спросил Феликс.

– Пока не уверены.

Они стояли впятером, молча, с Питом, который вилял хвостом в их середине. Берни лежал рядом, демонстративно равнодушный. Тара лихорадочно перебирала мысли. Что можно сказать? Что всё образуется? Но остальные тоже молчали. Тихо, без слов, все понимали: дело дурно.

– Хочешь, я поеду с тобой? – спросила Тара наконец.

Оливье покачал головой.

– Предпочитаю один. Для опознания, – произнёс он рассеянно.

– И мы также просим остальных пока оставаться здесь, – сказал Геррит, возникнув за спиной Оливье. – У нас есть несколько вопросов.

– По какому поводу? – спросил Робби, поднимая пустой пакет из-под чипсов. – Мне, честно говоря, пора бы...

Геррит не обратил внимания. Он медленно обвёл всех взглядом.

– Есть основания полагать, что смерть могла быть ненасильственной... неестественной.

– Что? – Феликс шагнул прямо перед Герритом. – Что ты сейчас сказал?

– Возможно, речь идёт о преступлении, – пояснила женщина-агент.

Теперь все разом повернулись к Оливье. Мускулы его лица будто натянулись до гладкости; морщины исчезли. Тара искала хоть какую-то подавленную эмоцию – дрогнувший уголок губ, тусклый блеск в глазах. Но взгляд был пуст.

– Мне кажется это крайне маловероятным, – сухо сказал он. – Ему просто было очень много лет.

Тара вновь узнала эту ледяную сдержанность Оливье. Это был её собственный единственный способ пережить горе. В сущности – до сих пор.

– Да, звучит невероятно, – сказала она, глядя Пита, который прижимался к её ноге. – Но всё же важно исключить все возможные версии.

– Именно так, мадам, – сказала агент, открывая калитку для Оливье. – А вас, месье, на улице ждёт машина.

31 Января 1953

Мике стряхнула капли с пальто и повесила его на крючок у задней двери. Мокрые башмаки она тёрла о половик до тех пор, пока каблуки перестали оставлять чёрные следы.

– Фу, и холод же, – сказала она, входя в тёплую кухню. – Ветер так и режет всё насквозь. Анни тыльной стороной рукава стерла пот со лба. Передник был весь в муке.

– Зачем ты вообще была на улице?

– Ставень сорвало. – Мике растирала ладони, возвращая им тепло. – Господин Фредерик попросил, чтобы я...

– Ты с ним разговаривала?

– Он начал.

– Что я тебе говорила? – Анни скрестила могучие руки на груди. – Никаких разговоров! Мике встала перед духовкой и сразу почувствовала, как тепло ласкает ей спину.

– А мне они вовсе показались милыми.

Анни покачала головой.

– Разумеется милыми. Приличные господа.

– Ну... приличные...

– Да, именно! Очень даже приличные и весьма почтенные в нашей округе. Не забывай об этом. – Анни посыпала стол ещё мукой, взяла скалку и одним внушительным ударом приплюснула шар теста. – В юности они помогали сопротивлению в войну. А потом – восстановлению деревни.

– Я и так это помню. Но ведь тогда все помогали.

Анни раскатывала тесто строгими, решительными движениями.

– Они каждое лето приезжали из Роттердама специально, чтобы работать тут, в деревне. Не каждая богатая семья так делала. Большинство просто хотело опять отдыхать.

– Не вижу в этом ничего особенного. – Тепло от духовки стало почти нестерпимым, будто юбка вспыхнула, и Мике поспешно шагнула вперёд. – А потом, став судьями и адвокатами, они ещё и деньжищ заработают.

– И слава богу. Хоть платить будут вовремя. – Анни сложила тесто пополам. – Подай-ка мне форму для пирога. И тебе, между прочим, пора обратно внутрь.

Мике сняла с полки тяжёлую железную форму с рифлёными краями.

– Это яблочный пирог? Ты мне кусочек оставишь?

– Что ты себе позволяешь. Живо, марш обратно!

Мике уже было направилась к выходу, но задержалась.

– Джин почти кончился. Новая бутылка здесь есть?

– В стеклянном шкафу. – Анни вдавила тесто в форму. – Большой ключ в правом ящике.

Мике отомкнула замок, отодвинула в сторону несколько бутылок вина, но бутылки Болса не увидела.

– Здесь нет.

– Глупости, конечно, есть. – Анни раздражённо вытерла руки о передник. – Там точно стоят ещё две.

– Правда нет.

– Посторонись. – Анни тоже отодвинула несколько бутылок. – Чёрт побери, как же так?

– Я ведь сказала.

– Значит, господа за чаем днём уже изрядно приложились.

Не такие уж они и приличные, подумала Мике, но, видя, как пылает лицо Анни, решила не торжествовать.

– Тогда мне взять бутылку красного вина?

– Нет, бери эту. – Анни привстала на цыпочки и достала маленький квадратный флакончик. – Шотландский виски. Мужчинам нужно что-нибудь покрепче в такую погоду.

Мике не поняла, что именно Анни имела в виду, но взяла флакон и плечом толкнула распахивающуюся дверь.

– Я скоро, – сказала она.

В коридоре было ледяно; сквозняк свистел по полу, и она почти побежала к кабинету. Она осторожно открыла дверь и осталась в тени ширмы. Комната уже основательно прогрелась.

Глаза должны были привыкнуть к полумраку, но тяжёлая тишина сразу подсказала ей, что напряжение здесь тоже возросло. Только потрескивание камина нарушало молчание.

Она выглянула из-за ширмы: мужчины сидели, молча склонясь над картами, в облаке сигарного дыма. В один миг она заметила – их бокалы вновь пусты.

– Это ты, Мике? – спросил Фредерик, не поднимая глаз.

– Да, месье.

– Нам нужно ещё по одному старику.

Мике подошла на цыпочках.

– Бутылка пуста, месье.

– Чёрт. – Гейс поднял голову; стёкла его очков запотели. – Так возьми новую. Фредерик, где у тебя запас?

– Обычно в кухонном шкафу, – быстро сказала Мике. – Но там больше нет, месье.

Теперь и Фредерик посмотрел на неё.

– Каким дьяволом – нет?

Стоило ли ей отвечать? Неужели он не помнил, что сам их прикончил?

– Они кончились, месье, – осторожно сказала она.

Теперь мужчины уставились на неё в упор. Она почувствовала, как щёки опять вспыхнули.

– Кончились? – переспросил Гейс. Между его бровями пролегла глубокая складка. – Или проданы?

– Анни бы никогда... – сорвалось у неё, и она тут же пожалела. – Я хочу сказать... наверное, просто недоразумение.

– Ты правда в это веришь? – спросил Гейс и подался, чтобы подняться.

Фредерик рябым движением усадил его обратно.

– Возможно, бутылки просто переставили в другое место.

Вряд ли, чуть было не сказала она, но удержалась. Пот стекал по её спине тонкими ручейками.

– Мы всё-таки нашли бутылку виски. Из Шотландии. Она уже стоит на буфете, и...

– Помои! – усатый мужчина поставил свой бокал вверх дном. – В эти рюмки наливают только женевер!

С демонстративным вздохом два других последовали его примеру, перевернув стаканы. Лишь Фредерик колебался.

– Который сейчас час? – спросил он.

Гейс взглянул на часы.

– Почти половина седьмого.

– Отлично, успеешь. – Фредерик улыбнулся. – Всего-то час пути на велосипеде.

Она уставилась на него.

– Куда, месье?

– В Кафе Де Бранддинг, разумеется, в Арнемёйдене. Там сейчас открыто, и коренвейн у них – божественный.

– Превосходная мысль, дружище. – Гейс хлопнул Фредерика по плечу. – Коренвейн... мягче старой кларе. Я уже предвкушаю.

Мике не знала, как реагировать. Очевидная шутка – но шутка опасная: любое слово могло стать неверным. Она теребила край юбки.

– Вы сказали, что я...

– Это невозможно... – начал Фредерик.

– Нет! – Человек в круглых очках резко подался вперёд. Она до сих пор не слышала его голоса. – Нельзя, Фредерик. Ветер слишком силён.

– Ах, пустяки, – отмахнулся Гейс. – Ей недолго, а ноги у неё – что надо, настоящие зеландские ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.